

ВИКТОР СОСНОРА

Дом дней

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С66

*Текст публикуется
с сохранением авторских орфографии и пунктуации.*

Соснора В.

С66 Дом дней / Виктор Соснора. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 219 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09612-8

Виктор Соснора (1936–2019) — поэт и писатель, ставший легендарной фигурой еще при жизни, но оставшийся сфинксовой загадкой для многих даже самых преданных читателей. Глубоко восприняв творческий опыт русского литературного авангарда, он не продолжил традиции какого-либо направления или школы, но разработал собственную, предельно оригинальную, сложную, почти колдовскую поэтику.

«Дом дней» — образец самобытной прозы Сосноры, хотя само слово «проза», как и все подобные определения, теряет свои привычные границы применительно к творчеству автора. Читатель не найдет здесь ощутимого сюжетного стержня, отчетливых образов героев, последовательного изображения событий. На место этих конструктивных признаков заступают средства совсем другой природы — повышенные паронимичность и ассоциативность, тонко темперированная ритмизация. В результате такого эксперимента каждое слово оказывается включено в переключку с другими; их летучее неумолкающее эхо, подобно тибетскому горловому пению, доносит до нас весть о высокой свободе, обретаемой в ощущении подлинного трагизма бытия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09612-8

© Соснора В. А., наследники, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

I. у моря

В ЗАКАТ

Солнце ушло в шелках, как синее; загорается вода. Девушки с купанья идут по песку, как зеркала. Комары и куличики. Сети. Лодки.

Клюв у голубя похож на голубиное яичко, с острого конца, а клюв у утки — на гусиное. Утки не боятся людных дней, сразу шлепают лопастями к северу, а там берут в руки два крыла и на юг, — ну их! Одинокий рыбак, не тосклив, он из магазина везет в мешке рыбу размороженную — в море, и забросит ее на спиннинге к Кронштадту, а сам у Комарова, на резиновом ходу, на колесной лодке, морской, и тянет спиннинг за хвост, делая вид, что крутит катушку, как швея. Издали залюбуешься: Хемингуэй, и рыбка в мешке, и борода, и бутыл с алкоголизмом в лодке катается; нобелиат! Но рыбу (рыбацкую!) глотает утка, на спиннинге. И рыбак ее тянет, а утка идет вслед, думая, что рыба не в достаточной степени в животе.

Но рыба в животе в достаточной степени. В той, что рыбак доводит утку на леске до лодки, сворачивает ей в воде голову набок и вынимает свернутой, как пакетик, как не утку. Разве узнаешь, что он вдали делает, браконьер, утокоед с яблоками? Туман на море скользит как тень.

Цвета свергаются, от заката остается облачко в выси, волны, как пузатые девушки, едут к берегу, ногами.

— На помощь! — кричат чайки. Зажги спичку, и они слетятся. Не зажигай. Каждая чайка собьет с ног (своим весом!). У чайки вес и взмах — бронзового коня!

Вечером гости оставляют угли, суховетки жгут; те, кто приезжают в лимузинах, купаются бедрами, едят пакеты и уезжают, не подозревая, что тут погребальные костры — памяти...

Пары стариков на каблуках сливаются в ночи.

Мои глаза сливаются; спит организм.

ЛИРИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Лирические растения не то, что животные. Растения — дубы и платаны, бобы и каштаны, а животное — это женщина. Скала — женщина, нога — женщина, и ночь, и медь; а море — это где тонут рисунки.

Тонут, да не тут-то было, со дна встают солдаты и колют их штыками в пятки. И мы выходим из морей, обтянутые солью.

Лирическое животное — это ветер.

А растения — это то, что растет; дом, день, люди. У них кругооборот.

А животные — только живут, в одну сторону. Как у женщины: расцвела — родила, дальше некуда.

Стихи — это сети братьев Зеведеевых; попался Христос, а думал, что завербовал их. Братьев-то завербовал, а сети поволок. Пока три Марии не сняли его с креста.

Три Марии, тоже мне подсчет.

Все они — чистые животные, не мужское. И поэмы Христа — это нагорные ритмы, на горе, на женщине стоя.

Море — оно, и яйцо — оно, оба рождение. Третье — солнце.

А то, что водит от луны до луны, это лиризм. Я видел ноги святых, лежащие на телеге, но я ж не плачу, как ч-к; рисую. Среди железобетонных игл современности я — один, жесток, животное, и раз в день, суров, рисую.

Господи, — говорю я, — неужели я видел напрасно? Неужели опять скажут — он основатель новой школы форм? Это я, кровавый?

Форм — чего?

Я — схоласт?

Ненавистник реальности, во имя жизни, я признаю одну форму — Золотого Маятника, и его колышет некий, созывая в переходный мир, — к жизни.

Но не собрать своих, не прийти к ним. Встречи наши — только на страницах, а они мокры от слез, золотых.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Был ливень; весь взмок.

Или вымок, — как хочется.

Сушу на окне красную рубашку, туфли и штаны, цвет жженой охры. Коллаж. Под окном жасмин и дуб, букетами. Мокрые сосны не золотятся, а с краснотцой.

Объявилось!..

Что ж, ливень был 2 час. 40 мин. назад, оглушительный, в 10 утра, из тьмы, широкий, как роща бесшумный.

Значит, сосны золотятся в сухом виде.

Дети из-за заборов, из щелей лезут в белых панамках. Много хороших, заливистых, с чистыми волосами. А много детей дутых, надутых салом. Их жалко, они с неоновой кожей, солнце их не любит и не красит, а белит.

Бледно-белая девочка вышла из калитки от Николая Васильевича и идет к дому с банькой, к Федору Михайло-

вичу. В правой руке у нее левая рука, и она ею бьет по жасмину, как клюшкой.

Ливень шел, высоковольтный, капли падали на голову, как лампы, электрические лучи бились в лужах, чешуйчатокрылые. Воды хоть отбавляй. А вот и воды нет, она у моря.

Красная рубашка стоит стойко. Штаны висят прямо. Туфли в серенькую клеточку и выпуклые. Скоро высохнут эти трое. Асфальт сохнет. Громадные ливни висят на каштанах. А на дубе капли одноцветные. А сосны? Кто из них, кто вышел один из гнезда, почему растут по три? Птиц не видеть, жаль. Птичку б описать. Нечто чирикает, но в выси, а не в кругозоре. Это ласточки, их сделали китайцы из иероглифов: остренькие, с нажимом.

Нельзя пугать перышком день и ночь. Сидят некто на дубах: Рипид, Фокл, Эдгар, Василий, Леонид, Сальвадор вышел из-под ливня, рисует пред зеркалом крест-накрест, как «скорую помощь». Пугает. Не пугай, сдохнешь.

Как радостен ливень, как редок! Дождь да дождь.

Я час шел, не клоня головы, и меня било. И я шел в красной рубахе и оранжевых штанах, неустрашим, по потокам, у сосен, одетых в золото игл наперевес.

А я с головою наперевес, не наклоняясь, как ребро Адама, из коего сделают кость и оживят ее. Я чужд натурфилософии. Я знаю, из чего состою, резали в 12 больницах, да и на 2-х войнах.

Но ливень — как мечтается о чем-то!

Длинные ноги у далеких людей обрастают мехами, обе. Да и деревья в воде обращаются в женщин. Вода сводит с ума чувственность тел. В морях реют вниз эмбрионы; и их ливни! Писать спелые фразы — счастье ль это? Как воздух, пропитанный звоном душ? Как солнце в трезвом взоре, когда идешь без дождя, без всякой связи с жизнью? Как та